

УДК 81'42

К.С. Шиляев

**ЛЕКСИКА ЭМОЦИЙ В РЕАЛИЗАЦИЯХ КЛЮЧЕВОЙ МЕТАФОРЫ
«СОБАКА – ЧЕЛОВЕК» В ПОВЕСТИ ДЖ. ЛОНДОНА «THE CALL OF
THE WILD»: АСПЕКТ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Статья посвящена исследованию функционирования метафоры в художественном тексте и отражению этого функционирования в переводе как процессе межкультурной коммуникации. Рассматривается лексика эмоций в рамках ключевой текстовой концептуальной метафоры «собака – человек» в повести Дж. Лондона «The Call of the Wild» и ее переводе на русский язык, выполненном М.А. Абкиной. Анализ переводческих соответствий выявляет сходство метафорической интерпретации поведения собаки в английской и русской картинах мира.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, лингвокультурология, ключевая текстовая метафора, Дж. Лондон, перевод, языковая картина мира.

Цель данного исследования – выявление и описание одной из сторон реализаций ключевой концептуальной текстообразующей метафоры в повести Дж. Лондона «The Call of the Wild», закономерностей ее функционирования и отражение этого функционирования в тексте перевода.

Исследование выполнено на пересечении лингвокультурологического и лингвокогнитивного подходов к языку. Достижения когнитивной лингвистики используются нами, с одной стороны, с целью проникновения в материю языка и объяснения языковых феноменов в аспекте их когнитивных детерминаций, с другой – для объяснения культурно детерминированных моделей межъязыковых соответствий. «Проводником» в таком исследовании межкультурной коммуникации для нас выступает метафора, понимаемая как фундаментальный механизм мышления, репрезентированный в элементах языка [1. С. 3–7]. Одним из основных выступает понятие концептуальной метафоры – ассоциации (связи) двух концептуальных областей, одна из которых структурируется в терминах другой [2. С. 30–47], как правило, более абстрактный концепт структурируется более конкретным, данным человеку в телесном опыте. Концептуальная метафора на поверхностном уровне языка реализуется в системе лексических метафор – собственно лексических единиц, являющихся результатом переноса названия одного понятия на другое по сходству признаков этих понятий.

В нашем исследовании также используется понятие **ключевой текстовой концептуальной метафоры** – метафоры, придающей смысловую и образную целостность всему тексту произведения, организующей его на уровне текстопорождения [3]. Она является, по сути, концептуальной и реализуется через систему языковых метафорических моделей. Метафорическая модель есть явление лингвокогнитивное и представляет собой единство ментальной схемы и системы ее языковых репрезентаций, т.е. лексических метафор [4.

С. 37]. Метафорическая модель нередко конкретизирует один из аспектов ключевой текстовой концептуальной метафоры.

В настоящей работе мы рассматриваем текст произведения Дж. Лондона «The Call of the Wild» (1903) [5] и его перевод М.А. Абкиной (1954) [6].

Общий метафорический фон произведения задается антропоморфной концептуальной метафорой «собака – человек». В языковых репрезентациях она представлена как грамматической метафорой, так и множеством разнообразных метафор лексического плана, наделяющих собаку качествами, присущими прежде всего человеку: собака наделяется сознанием, мышлением и рефлексией по человеческому образцу, ей присущи социальность и нравственность. Одним из регулярно реализующихся в тексте аспектов ключевой концептуальной метафоры «собака – человек» является надделение собаки разнообразнейшим спектром эмоций и чувств. Проблема их разграничения не снята, и в данной работе мы рассматриваем эмоции и чувства как синонимы. В словарных статьях как русских (БАС [7], МАС [8]), так и английских словарей (OED [9], OALD [10]) термины «чувство» («feeling») и «эмоция» («emotion») либо не дифференцируются, либо используются непоследовательно.

Современная зоопсихология признает наличие аффектов, собственно эмоций и чувств у животных [11. С. 71–82], но в то же время стремится максимально отмежеваться от их антропоморфного толкования [12. С. 29], признавая его серьезной методологической ошибкой. Однако наивное толкование типично антропоморфно, и именно оно отражается в произведениях Дж. Лондона через лексику эмоций, используемую в контексте базовой для текста антропоморфной метафоры.

Сравнение метафорических языковых выражений эмоций в межъязыковом аспекте позволяет проследить соотношение между разными культурами и картинами мира, обозначить проблемные моменты межкультурной коммуникации в этой сфере при их наличии. Этой цели служит и проведенный анализ повести Дж. Лондона.

Охарактеризуем последовательность изложения осуществленного анализа. В начале каждого из блоков приведен контекст употребления метафор в тексте оригинала, в скобках дан соответствующий фрагмент из русского перевода. Далее следует анализ английских лексем, реализующих ключевую текстовую метафору, и переводческих соответствий. В анализе внимание уделено следующим вопросам: степени узуальности и метафоричности языковых выражений эмоций (именно этот фактор влияет на сохранение ключевой текстовой метафоры и структуры конкретной метафорической модели в переводном тексте), средствам передачи текстовых репрезентаций ключевой текстовой метафоры на поверхностном уровне, семантическим изменениям текста в аспекте метафоричности в процессе межкультурной коммуникации.

По результатам анализа всего текста повести лексика эмоций разделена на три категории. Основанием классификации послужили степень новизны, «живости» метафоры, узуальность ее употребления по отношению к собаке и/или человеку. Распределение метафоры по трем категориям основано, прежде всего, на лексикографических данных и семантическом анализе, а также интроспекции. Тем не менее классификация некоторых метафор затруднена

вследствие синкретичности явления метафоры, множественности оснований уподобления и размытости семантики лексики эмоций, и границы данных категорий следует признать нечеткими, перетекающими одна в другую.

1. Художественно-метафорические антропоморфные выражения, составляющие ядро метафорической модели «собака – человек».

*It was **heartbreaking**, only Buck's **heart** was **unbreakable**.* (Это могло **надорвать** любое **сердце**, но **сердце** у Бэка было **железное**.) Прилагательное *heartbreaking*; букв. разрывающий сердце, происходит от фразеологизма *break one's heart* – разбить чье-л. сердце. Автор декомпозирует этот фразеологизм и создает «свежую» метафору: букв. только сердце Бэка было неразбиваемым. Такой же семантикой обладает производное от этого выражения прилагательное *broken-hearted* «overwhelmed by grief or disappointment» – переполненный горем или разочарованием [9]; букв. с разбитым сердцем. Оно выражает сильное чувство путем синкретичного использования метафоры и метонимии: «the heart [is] regarded as the centre of a person's thoughts and emotions, especially love or compassion» – сердце считается центром мыслей и эмоций человека, особенно любви и сострадания [9]. Данный метафорометонимический перенос, несомненно, может быть отнесен к модели «собака – человек». В русском переводе лексема *сердце* имеет тот же смысл, что в английском оригинале: «сердце как символ средоточия чувств, настроений, переживаний человека» [7], и сохраняет антропоморфную метафору. Слово-сочетания *надорвать сердце*, *железное сердце*, основываясь на том же переносе, вносят новые атрибуты и предикаты и создают новые образные значения: послужить тяжелым испытанием для души человека; мужественная, сильная душа человека.

*It left a **great void** in **him**, somewhat akin to hunger, but a **void** which **ached** and **ached**, and which food could not fill.* (Он понял, что Джон Торнтон умер, что его нет и не будет, и ощущал какую-то **пустоту внутри**. Это было похоже на голод, но **пустота** причиняла боль, и никакой пищей ее нельзя было заполнить.) Фраза *it left a great void in him* «это оставило в нем большую пустоту» (*void* – «an emptiness caused by the loss of something» – пустота, вызванная потерей чего-л. [9]) сама по себе является метафорой – душа уподобляется контейнеру – и по отношению к собаке имплицитно выражает человеческие переживания. Лексема *пустота* передает метафору, присутствующую в тексте оригинала, так как в русском языке есть соответствующий фразеологизм: «о чувстве потери, лишения кого-, чего-либо. Пустота в (на) душе, в (на) сердце» [7].

2. Антропоморфное толкование эмоций и чувств собаки – околоядерная зона.

*He sniffed it **curiously**, then licked some up on his tongue. ...This **puzzled** him. The onlookers laughed uproariously, and he **felt ashamed**, he knew not why, for it was his first snow.* (Он с **любопытством** понюхал ее, потом лизнул языком. ...Это **поразило** Бэка, он лизнул опять – с тем же результатом. Вокруг загоготали, и ему почему-то **стало стыдно**, хотя он не понимал, над чем эти люди смеются. Так Бэк впервые увидел снег.) Лексема *curiously* «с любопытством» («curious – eager to know or learn something» – испытывающий сильное желание узнать или изучить что-л. [9]) обозначает чувство. Кроме того, она

имеет сему ментальности, так как любопытство неразрывно связано с человеческим познанием и обучением, и приписывание его собаке (вероятно, на основании внешнего сходства поведения) есть метафора. Глагол *puzzle* «озадачить» («cause (someone) to feel confused because they cannot understand something» – привести (кого-л.) в замешательство по причине того, что они не могут что-л. понять [9]) относится к лексико-семантическому полю мышления и является метафорой по отношению к собаке. Замешательство, смущение также является эмоциональным состоянием. Прилагательное *ashamed* «embarrassed or guilty because of something one has done or characteristics one has» – смущенный или виноватый из-за чего-л. совершенного или каких-л. своих черт [9] подразумевает наличие у собаки чувства стыда как морального чувства и собственно нравственности (категории этики, социально значимые), что также есть реализация ключевой метафоры «собака – человек». В русском переводе лексической единице *curiosity* соответствует лексема *любопытство*, являющаяся прямым словарным соответствием. Для передачи лексем *puzzled* переводчик использует глагол *поразить* – «производить сильное впечатление; удивлять, изумлять» [7]. Данный глагол передает интенсивную эмоцию и сохраняет сему ментальности: собака как бы сравнивает образ ожидаемого с реальностью, их несовпадение вызывает эмоцию удивления. Лексема *стыдно* является словарным соответствием *ashamed* и имеет очень сходную семантику, ср. определение МАС [7] («чувство сильного смущения, неловкости от сознания предосудительности, неблагоприятности своего поступка, поведения и т.п.») и Oxford English Dictionary [9]. Таким образом, метафора в переводном тексте сохраняется.

Buck hated him with a bitter and deathless hatred. (Бэк *возненавидел его жестокой, смертельной ненавистью*.) Лексем *hate, hatred* «ненавидеть, ненависть» («intense dislike») – сильное неприятие [9] выражают чувство, характерное скорее для человека, и относятся к периферии метафорической модели «собака – человек».

Miserable and disconsolate, he wandered about among the many tents, only to find that one place was as cold as another. (В *безутешном отчаянии* бродил он между палатками, ища себе местечка потеплее и не находя его.) Лексем *miserable* («(of a person) wretchedly unhappy or uncomfortable» – (о человеке) чрезвычайно несчастный или стесненный [9]), *disconsolate* («very unhappy and unable to be comforted» – очень несчастный и безутешный [9]) не употребляются для обозначения эмоций собаки: относительно первой есть помета («о человеке») в словаре, вторая стилистически маркирована как возвышенная [10]. Русский перевод словосочетанием *безутешное отчаяние* («состояние крайней безнадежности, безвыходности» [7]) сохраняет метафору, так как в русском языке лексема *отчаяние* к собаке неприменима (подразумевает наличие чаяний, надежд, характерных только для человека).

And at each jerk back and forth it seemed that his heart would be shaken out of his body, so great was its ecstasy. And when, released, he sprang to his feet, his mouth laughing. (Когда хозяин так тормошил его, сердце у него от *восторга* готово было выскочить. Как только Торнтон наконец отпускал его, он вскакивал, раскрыв пасть в *улыбке*.) Существительное *ecstasy* «экстаз» («an overwhelming feeling of great happiness or joyful excitement» – переполняющее

чувство большого счастья или радостного возбуждения [9]) означает эмоцию радости с семей интенсивности и относится к метафорической модели «собака – человек» (экстатические состояния характерны только для людей). В тексте перевода лексема *восторг* «сильный подъем радостных чувств, восхищение» [8] сохраняет метафору, имея значение радости с семей интенсивности. *Улыбка* для собаки не характерна и также является метафорой (равно как и в оригинале лексема *laughing*, смех), метонимически выражающей эмоцию радости.

But love that was feverish and burning, that was adoration, that was madness, it had taken John Thornton to arouse. (Но только Джону Торнтону суждено было пробудить в нем пылкую любовь, любовь-обожание, страстную до безумия.) Лексема *love* «a strong feeling of affection» – сильное чувство привязанности [9] может использоваться по отношению и к человеку, и к собаке. Однако культурная и коннотативная нагруженность данной лексемы заставляет отнести ее прежде всего к человеку, а ее применение к собаке рассматривать как метафору. Тема чувства любви к хозяину у собаки поднимается в произведениях Джека Лондона неоднократно, и для ее описания писатель прибегает к лексемам, называющим человеческую любовь, а не просто собачью преданность. Атрибуты *feverish, burning* к лексеме *love* характеризуют любовь как горящую, лихорадочную, что применимо только к человеческому чувству, и по отношению к собаке эти атрибуты выступают метафорами. Лексема *adoration* «обожание; поклонение» (*adore* – «love and respect (someone) deeply; worship; venerate» – глубоко любить и уважать (кого-л.); поклоняться; благоговеть [9]) может выражать высшую степень любви или религиозное поклонение. И то и другое чувство по отношению к собаке – реализация ключевой метафоры «собака – человек». В переводе словосочетания *пылкая любовь, любовь-обожание, страстная до безумия* (обожание – «сильная, восторженная любовь к кому-, чему-либо; преклонение перед кем-, чем-либо; (устар.) обожествление, обоготворение кого-, чего-либо» [7]; семантика, очень сходная с оригинальной лексемой *adoration*) фиксируют человеческое чувство (обожание этимологически связано с религиозным поклонением, собаке также не свойственным) и передают метафору.

3. Эмоции и чувства, в обыденном сознании равно присущие и собаке и человеку. Принимая во внимание точку зрения зоопсихологов (любое истолкование поведения собаки с использованием терминов человеческих эмоций/чувств есть антропоморфизм), мы считаем данные выражения метафорическими, но относимыми к так называемым мертвым, или стершимся, метафорам и используемыми носителями языка без рефлексии внутренней формы. Такие выражения находятся на периферии метафорической модели «собака – человек». Следует отметить, что лексикографические толкования эмоций фиксируют в качестве субъекта человека, что свидетельствует в пользу выбранной группировки.

Buck knew no greater joy than that rough embrace and the sound of murmured oaths. (Для Бэка не было большей радости, чем эта грубоватая ласка, сопровождаемая ругательствами.)

Лексема *joy* «радость» («a feeling of great pleasure and happiness» – чувство большого удовольствия и счастья [9]) означает эмоцию, которая свойственна

как человеку, так и собаке, что относит ее к периферии метафорической модели «собака – человек». В тексте перевода глагол *радоваться* (*радость* – «чувство удовольствия, удовлетворения» [8]) также выражает эмоцию, присущую собаке и человеку, и сохраняет оригинальную метафору.

To Buck it was boundless delight, this hunting, fishing, and indefinite wandering through strange places. (*Бэк беспредельно наслаждался такой жизнью – охотой, рыбной ловлей, блужданием по новым, незнакомым местам.*) Лексема *delight* «удовольствие» («great pleasure» – большое удовольствие [9]) выражает эмоцию, к которой способны собака и человек. Это позволяет отнести данную лексему к периферии модели «собака – человек». В русском переводе глагол *наслаждаться* «испытывать удовольствие, наслаждение от кого-, чего-либо» [7] сохраняет оригинальную семантику и также относится к периферии метафорической модели «собака – человек».

In a quick rage he sprang at the man. (*В мгновенном порыве бешенства он кинулся на обидчика.*) ...*while Buck struggled in a fury* (... *Бэк отчаянно боролся с человеком.*) ...*never in all his life had he been so angry.* (...*никогда в жизни он не был так разгневан!*) Лексемы *rage*, *fury*, *angry*, передающие сильные негативные эмоции («rage – violent uncontrollable anger» – сильный неконтролируемый гнев, «fury – wild or violent anger» – дикий или неистовый гнев, «angry – feeling or showing strong annoyance, displeasure, or hostility; full of anger» – ощущающий или проявляющий сильное раздражение, недовольство или враждебность; исполненный гнева [9]) могут употребляться по отношению как к человеку, так и к собаке, что помещает их на периферию метафорической модели «собака – человек». Более того, сильные проявления негативных эмоций нередко рассматриваются как проявление животного начала в человеке, ср. устойчивое словосочетание «злой как собака». В тексте перевода лексемы *бешенство* («необузданное раздражение, неистовство, ярость; сильный гнев» [7]), *разгневан* (гнев – «чувство сильного возмущения, негодования; состояние раздражения, озлобления» [7]) передают схожую семантику эмоций, присущих человеку и собаке. Наречие *отчаянно* в контексте фрагмента не передает метафору: *отчаянный* – «предельно напряженный, крайний по силе своего проявления» [7].

Проведенное исследование выявило закономерность, отразившуюся в группировке метафор: существует корреляция между степенью антропоморфности метафоры и следующими семантическими маркерами: а) яркая метафоричность языкового выражения – «живая» метафора (1-я группа); б) фиксация объекта метафоры как индивида, обладающего интеллектом, моралью, как участника социальных отношений (2-я группа); в) наличие семы интенсивности в значении лексической единицы (1-я и 2-я группы).

Текст перевода практически полностью сохраняет замысел автора – эмоциональная сторона антропоморфной метафоры в переводном тексте передается в тех же соотношениях (с незначительными частными вариациями), что и в тексте английского оригинала. Данные наблюдения позволяют сделать вывод о близости проанализированного фрагмента русской и английской языковой картины мира.

Литература

1. *Lakoff G.* Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. Chicago : The University of Chicago Press, 2003. 276 p.
2. *Kovecses Z.* Metaphor – A Practical Introduction. New York : Oxford University Press, 2010. 396 с.
3. *Резанова З.И.* Метафора в художественном тексте : проблемы текстопорождения // Художественный текст и языковая личность : Материалы III Всерос. конф. Томск, 2003. С. 201–206.
4. *Резанова З.И.* Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: идеи, методы, решения // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер. Филология. 2010. № 1 (9). С. 26–43.
5. *London J.* The Call of the Wild [Электронный ресурс] : электронная библиотека Project Gutenberg / Project Gutenberg Literary Archive Foundation. Электрон. библиотека. USA. 2011. URL: <http://www.gutenberg.org/ebooks/215> (дата обращения: 18.12.2011).
6. *Лондон Дж.* Зов предков [Электронный ресурс] : Библиотека Максима Мошкова / Библиотека Максима Мошкова при поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям. Электрон. библиотека. М., 2011. URL: <http://lib.ru/LONDON/london04.txt> (дата обращения: 18.12.2011).
7. *Oxford Dictionary of English* / ed. C. Soanes. Oxford. : Oxford University Press, 2005. 2110 p.
8. *Словарь русского языка*: в 4 т. / гл. ред. М.С. Шевелева. М. : Рус. яз., 1985. Т. 1–4.
9. *Словарь современного русского литературного языка* : в 17 т. / гл. ред. В.И. Чернышев. М. : Изд-во АН СССР, 1950. Т. 1–17.
10. *Oxford Advanced Learner's Dictionary* / ed. A. Hornby. Oxford : Oxford University Press, 2010. 1952p.
11. *Никольская А.В.* Зоопсихология и межвидовая психология. М. : Эксмо, 2011. 348 с.
12. *Зорина З.Я.* Зоопсихология: Элементарное мышление животных. М. : Аспект Пресс, 2003. 319 с.